

МЕЖДУ БУЙВОЛОМ И «ХОНДОЙ»

10-9-93

Известный путешественник Яцек Палкевич в роли репортера «Труда»: Лаос, который покидают россияне

Я жду уже три часа, сидя под деревянным навесом в двух шагах от взлетной дорожки, на которую должен приземлиться самолет из Вьентьяна. Несмотря на то, что я в тени, что смужу, не двигаясь, по моему лицу течет пот, одежда накрепко прилипла к телу — такая здесь жара. Время от времени поглядываю на небо в надежде увидеть черную точку, но, поскольку по цементной взлетной полосе шествует спокойно стадо буйволов, я понимаю, что самолет еще очень далеко.

ЛАОС, самая маленькая страна Индокитае, меньше подверглась влиянию западной цивилизации, чем соседние Таиланд, Камбоджа или Вьетнам. Длительное время о ней вообще молчали. Сейчас здесь делаются первые шаги на пути развития туризма, хотя еще и нет таких организаций, которые могли бы заняться приемом иностранцев. Даже в столице — Вьентьяне.

Городские его дома окружены огородами, а иногда и рисовыми полями. Дома (скорее, домики) одноэтажные, все одного цвета, напоминают по стилю наши гаражи. В каждом живет по несколько семей. Иногда попадает гостиница или какое-нибудь государственное учреждение, — эти здания вносят некоторое разнообразие в архитектурную монотонность. Во дворах министерств копошатся свиньи вперемежку с курами.

Мой гид Уанпен (это имя забыть нельзя, потому что по-английски оно означает «одна ручка») объясняет, что еще десять лет назад здесь считалось роскошью иметь велосипед, а сейчас даже японский мотоцикл ничего не значит. Перед редкими семафорами рядом с рикшами часто выстраиваются в ожидании и автомобили, которым мешают свободно бродящие по улицам города буйволы. Когда происходит дорожное происшествие, никак не удается разобраться, кто же виновник.

«Лаотские не очень-то большие труженики, — говорит Джозеф Панталаччи, бывший французский легионер, давно обосновавшийся в столице Лаоса. — Они любят рис, а также сложное, размеренное существование. В Индокитае есть такая поговорка: «Вьетнамец сажает рис, камбоджец смотрит, как он прорастает, а лаотянин слушает, как он растет».

Сейчас Лаос хочет нагнать потерянное время. В 1975 году, после 60 лет французского колониального господства, долгой войны в Индокитае, американского вторжения, была наконец создана Народно-демократическая республика. По сценарию из Москвы начались процессы коллективизации и национали-

зации, был создан бюрократический централизм, закрыты границы. Лагерь по перевоспитанию заполнились бывшими военными, служившими старому режиму, торговцами и проститутками. Начался массовый исход за границу, и через несколько лет страну покинули почти 400 тысяч человек, около десяти процентов населения.

В 1986 году очередной съезд Народной революционной партии Лаоса объявил перестройку. Сохраняя весь идеологический антураж, людям предложили свободу коммерции. Землю раздают частным лицам, выдают всевозможные лицензии, широко открывают ворота туризму и иностранному капиталу.

Сегодня центр города представляет собой нескончаемую вереницу лавочек, мастерских, ателье, магазинчиков, трактиров, ресторанчиков, маленьких гостиниц. И неважно, какими деньгами ты расплачиваешься, — берут любые, потому что с подпольной торговлей валютой покончено. Можно платить местными деньгами — конил кип, можно долларами, можно тайландской монетой. Хозяйка одной из лавочек, где продают поделки местных ремесленников, согласна воспользоваться моей кредитной карточкой. Мое изумление возрастает еще больше, когда я вижу, что она в первый раз производит эту операцию, делая пометку на специальной машинке, — стало быть, моя покупка здесь — историческое событие.

Ночь в тропиках наступает очень быстро. На улицах темно, но до десяти часов они во Вьентьяне все-таки освещаются, и какая-то жизнь продолжается. Здесь в обычая (а может быть, это делают из-за жары) готовить еду прямо на тротуаре, перед входом в помещение. Так поступают и повара маленьких ресторанчиков, наполнив окружающий воздух соблазнительными восточными ароматами. И если удается устоять и не попробовать какое-нибудь экзотическое восточное блюдо, то уж никак не возможно не выпить ледяного пива — это лучшее местное изобретение.

Вечер тих и спокоен — я уже привык к лягушачьим концертам

и не обращаю на них внимания. Вечерняя тишина в городе особенно приятна. С криминальным Миром здесь еще не знакомы, и спокойствие темных улиц — удивительный сюрприз. Нет здесь и следа древней язы здешних мест: курилен опия. Однако вдали от населенных центров, в труднодоступных местах, в горах сохранились маковые плантации. Ежегодно здесь производят 100 тысяч тонн опиума. Часть его экспортируется через Вьетнам, часть по тайным тропам перевозится в Таиланд.

Улица Чао Ану — центр Чайнатауна. Китайцы резко выделяются на фоне местного населения — они более активны. В Лаосе живут и иммигранты из других стран (общей сложности 400 тысяч человек), и все ведут свои дела по-своему. Лаотские имеют, таким образом, возможность получить наглядные уроки предпринимательства, что позволяет им «округлить» свои тощие заработки. В самом деле, например, офицер лаотской армии получает 30 долларов, в то время как банка пива стоит один доллар.

Возвращаясь к моему другу Панталаччи. В его ресторане есть французская и китайская кухня — я предпочитаю последнюю. Джозеф — просто кладезь информации. После прихода к власти коммунистического режима две тысячи его соотечественников покинули страну в знак протеста. Осталось всего шесть, и он — один из них. Русские и вьетнамцы заняли их место. Первые надеялись поставить на ноги промышленность, вторые — оказали конкретную помощь в создании системы безопасности.

Среди иностранцев незапатентованного происхождения русских здесь больше всего, но и они, как и французы лет двадцать назад, тоже начинают упаковывать чемоданы. Москва потеряла в этой стране миллиард долларов.

Из окна гостиничного номера наслаждаюсь видом на легендарную реку Меконг. В 1982 году по ней прибыла и высадила в Лаосе группа бывших «зеленых беретов» под руководством полковника Джеймса Г. Гритца. Целью высадки было освобождение пленных соотечественников. — согласно распространенному мнению, многие из них еще оставались в Лаосе. Операция, которую финансировали известные в Америке и за ее пределами люди, в частности киноактер

Клинт Иствуд, провалилась. Намеки были блокированы местными войсками.

Официальной религией в Лаосе является буддизм. В столице 38 храмов. В нескольких метрах от берега Меконга вхожу в пагоду Си Сакет, украшенную прекрасными фресками на бытовые темы. Тропический климат разрушает эти шедевры. Необходимы реставрационные работы, но на них нет денег. Пожилой бонза приглашает меня в монастырь, где живут около сотни послушников в возрасте от 10 до 14 лет. Несколько часов в день они посвящают изучению религиозных дисциплин, других предметов, в частности английского языка.

Напротив Си Сакет возвышается пагода Пра Кео. Когда-то здесь находилась грандиозная статуя Изумрудного Будды. Во время одной из многочисленных войн, в 1700 году, враги из народности тхай захватили Будду и увезли этот бесценный трофей в Бангкок, где он и находится. А в Пра Кео на троне восседает копия.

Я приехал в Лаос, чтобы познакомиться с археологическими достопримечательностями «Долины росы», которая закрыта для посетителей. Потеряла два дня, чтобы добиться разрешения, и вот наконец одним прыжком — то есть полчасовым перелетом — достигаю маленькой деревушки рядом с Хиагн Кхоангом. На русском «уазике» взбираюсь на холм, с которого открывается необычная панорама. Над высокой травой возвышаются гигантские, вырезанные из песчаника кувшины. Они похожи на амфоры высотой почти в человеческий рост. По мнению археологов, они относятся к 2000 году до нашей эры, то есть к эпохе строительства пирамид и появления письменности. Здесь их более 200. Штук тридцать были уничтожены во время воздушных налетов американской авиации... Странные сосуды являются загадкой для ученых — никто не может сказать, для чего они предназначались. Преобладает теория о том, что это место было огромным некрополем.

А во Вьентьяне забываешь о древней исчезнувшей цивилизации. Этот город, хотя и медленно, но все же старается оторваться от своего прошлого, идти по пути прогресса. Однако общие надежды на лучшее времена невозможно реализовать за несколько лет..

Перевод с итальянского Л. ФИЛАТОВОЙ.